

Райнер Малковски

Стихи

Перевод Алексея Макушинского

Предварительные замечания.

Райнер Малковски (1939 – 2003). Наверное, это не самый знаменитый немецкий поэт. В литературных кругах он, конечно, известен; широкой публике известен в меньшей степени. Книги его, однако, переиздаются и раскупаются; более того: его именем названа одна из престижных литературных премий Германии (Rainer Malkowski Preis), присуждаемая раз в два года одноименным фондом в сотрудничестве с Баварской Академией Изящных Искусств.

Перечислю, очень вкратце, основные факты его биографии.

Рождение в 1939 году в Берлине означает военное и послевоенное детство, детство среди развалин. Оно же означает и юность в эпоху еще дрящегося «экономического чуда». После первых поэтических опытов, неудовлетворенный им, неудовлетворенный и школьным образованием (какой поэт бывает им доволен?), Малковски бросает гимназию и начинает работать в области рекламы, сначала в Берлине, затем во Франкфурте, наконец, в Дюссельдорфе. Карьера его складывается головокружительно, к 30 годам он – руководитель и совладелец одного из крупнейших европейских рекламных агентств.

31 декабря 1971 года всякая карьера заканчивается. Еще совсем молодой человек, Малковски оставляет свою деятельность в области рекламы и удаляется в крошечный городок Бранненбург-на-Инне в Баварских Альпах, на самой границе с Австрией, чтобы отныне и до конца жизни посвятить себя только поэзии.

Девять поэтических сборников выходят отныне с промежутками в три-четыре года. Выходит и проза, очень краткая, как и стихи, по-своему – не менее любопытная. Все же Малковски – поэт по преимуществу, прозаические его опыты воспринимаются как комментарии к стихам.

Краткость есть способ укрыться от чужих глаз. Всякие стихи суть форма самораскрытия. Однако поэт, замороженный краткостью, одновременно раскрывает и скрывает себя. Как Малковски-человек удалился на самую окраину своей страны, так Малковски-поэт уходит в сторону, недоговаривает, боится прямых заявлений. Его тексты стремятся к концу, к последней строке (последнему слову), к (часто парадоксальному) выводу, выпад. В них есть, следовательно (бывает, следовательно), что-то от хокку.

Они создают ощущение простоты, легкости и совершенства. Можно представить себе, какой труд стоит за этой простотой, этой легкостью.

В одном из своих прозаических текстов Малковски сравнивает роман и стихи. Роман, пишет он, при всех своих прочих замечательных свойствах, не может одного – приобрести характер некоей *вещи*, стихи же как раз наоборот – именно *вещью* и пытаются быть, пытаются стать. Рассуждение это восходит, конечно, к знаменитому рильковскому Ding-Gedicht, «стихотворение-вещь». «Вещественность», или, если угодно, «вещность» (Dinghaftigkeit) стихов предполагает их «сгущенность» (Verdichtung) и «сподручную краткость» (handliche Kürze). Лирический поэт заморожен вещами, пишет Малковски, определенностью их формы, их пластическим совершенством, их «мечтательной массой», их молчанием.

В основе его стихов лежит, как правило, некое единократное, неповторимое видение, акт восприятия, эпифания вещи. «Восприятие как событие – вот что должно произойти в сознании автора, чтобы стихотворение могло возникнуть». Это восприятие само собой переходит в мысль, следовательно – в слова. «Точное видение – это еще только видение, или уже мысль?»

Понятно, сколь высок удельный вес каждого слова в таких стихах. Тем труднее, но и тем увлекательнее, переводить их.

Я расположил стихи в хронологическом порядке. Подборка открывается стихотворением из первого сборника Малковски («Что за утро», 1975) и заканчивается стихотворением из последнего («Происхождение часов», 2004).

Стихи

Раскопки

Вчера здесь раскопали античный
амфитеатр, ему почти
две тысячи лет.

Но это еще не самое
удивительное: в нижнем ряду
обнаружили едва ли не полностью
сохранившийся скелет.

Очевидно, зритель, отказавшийся
поверить,
что все закончилось.

Суббота, привокзальная улица

Какое облегченье, когда
в субботу, в толпе
на привокзальной улице,
вдруг взгляд выхватывает фонтан,
статую у фонтана.
Невозмутимо
нимфа улыбается в пустоту,
не преследуя никакой
дурацкой цели.

Пляжное кафе

Посмотри на голый лес
соломинок
в стаканах со светлым пивом.
На темные очки и рты в креме
от торта вокруг
жестяных столиков, под которыми

плоть кричит,
вздыхает, шепчет
от одиночества.
Иногда кто-то ставит со звоном
чашку на блюде.
Тупо смотрит на маленький
парусник вдалеке.
Парусник приближается, уходит в сторону,
приближается вновь.
Все это уже долго
длится. Уже длится целый
пожизненный
полдень.

Берлин, после войны

Поздний вечер, холодный январь
сорок шестого года.
Очередь у разбомбленной ратуши.
Двое-трое мужчин.
В остальном женщины
с сумками у ног.
Когда подходит их очередь,
настраивают телескоп,
за десять пфеннигов
любуются
луной.

Мы, мечтатели

Смотреть, сидеть,
чувствовать,
как проходит время.
У берегов Чили
парит альбатрос.
А мы, мечтатели, гибнем,
сидя на стуле.

Легкий день

Прекрасный день сегодня, не правда ли?
Мы платим за автостраду,
мы катим по крапчатому шоссе.
Под высокими лиственными
сводами подъезжаем мы прямо к озеру.
Окупись в серебро,
его только что
выплеснули.

Пока мы не думаем,
мы непотопляемы.
Страшная сказка, будто бы
в нескольких метрах вглубь
от поверхности начинается
большой холод.

Деревенское кладбище

Возбужденная толкотня облаков
над колокольной.
В смене света –
холодно-синий, тепло-голубой
циферблат.

Все движение –
наверху.

Внизу –
аккуратно проведенные проборы,
безветрие.
С медальонов улыбаются
мертвые.

Поверни к стене фотографию

Трудно жить
под переменчивым взглядом
мертвых.

Поверни к стене фотографию.

Огоньки иронии
в темных глазах
становятся все сильнее.

Левый уголок рта
не опускается ли
с насмешкой?

С умершими
мы обходились некогда так,
как будто их
знали.
Теперь этого уже
не поправишь.

А следующего уже

На одно слово ближе
к грушевому дереву, так внезапно
зацветшему.

К дрожащей пене,
в которую
ты взлетаешь
на качелях.

На одно слово ближе
к губельному блеску
явлений.

А следующего
уже
не сказать.

Ноябрьский ветер

Пляж залит водой, человек
в резиновых сапогах.

Позже
пробивается сквозь ветер второй.

Попытки объясниться
друг с другом, беззвучно
раскрывающимися ртами.

Отказ от дома

Когда муж ее умер,
она начала лепить
его бюст, по памяти.

Шестнадцать лет прошло с тех пор.
Работа
все еще не закончена.

Я не понимаю тебя, говорит ее дочь.
Я не понимаю тебя, говорит ее зять,
это же вылитый он, так похож.

Она отказывает им обоим от дома.

Воспоминания таксиста

Поэт умер в такси.
Шел сильный дождь, светофор
как раз переключился на красный.
Люди на зебре,
пригнувшиеся, под зонтиками,
сделались беднее на несколько
слов, о которых ничего не знали, не знали,
что владеют ими. Таксист
проехал еще немного, покуда
не заметил, что пассажир
на заднем сиденье
склонился набок – с отнюдь не
умиротворенным лицом,
и как-то, подумал позже
таксист, читая газету,
отвратительно
обыкновенно.

Поездки на поезде

Мимо Шпейера, часто
и без толку.

Мимо Гейдельберга, Маннгейма.

Мое лицо в окне.

Темнота снаружи,
без слов,
рассказывает меня.

Полдень под аркадами

Ничего не искал, ничего не нашел
здесь, в горячей тени под аркадами.
Пустая площадь полыхает на солнце.
Зачем я приехал? Зачем остался?
Дома все наглухо заперты.
Никто не идет под аркадами.
Пустая площадь полыхает на солнце.

Вид Колизея

Оскверненный овал,
кровавая чаша –
его снимают
как произведение искусства.

Утреннее небо над ним,
синее,
чистое.

Невинные приветы
Вальтрауд, Винстону.

Открытки смертельного
безмыслия –
во все стороны света.

Кипарис

Под этим деревом не отдохнешь.
Необщительное, оно почти не защищает
от солнца.
Вообще, дерево не для близости
и доверительности.
Не то что те листовенные
мамонты, которые мы обходим,
дивясь,
похлопывая ладонью
по слоновой их коже.

Кора кипариса,
пучок серых, плохо
скрепленных волокон –
дотрагиваться
не хочется.

Издалека нужно смотреть на него –
на это безрукое дерево.
На голом холме, в одиночестве:

прямо,
прямо,

настоятельно говорит оно
меланхолическим языком
знаков.

Страсть

Ничто ни с чем не связано,
утверждает он, страстный
путешественник, –
и отправляется дальше,
в Бомбей, в Марракеш
или в Пуэрто-Рико.
Вещи мира не имеют значения,
говорит он –
и все же не может
отвести взгляд от пальмовых
теней на белой стене.
Недавно, рассказывает он,
в Корнуолле,
я зашел в пустой дом.
Там играл ветер
с открытыми окнами.

В то утро в Милане

Последний путь был таким,
каким Верди завещал ему быть:
никто не шел за гробом,
и музыка не звучала.
Но люди стояли на улицах
локоть к локтю,
и тишина была другой
в то утро в Милане,
чем когда-либо прежде,
когда-либо после.

Полдень на юге

Жалюзи из жести
перед единственной
лавочкой на деревенской
площади.

Колодец, красный
складной стул перед ним.

Потом, много позже,
голос,
где-то,
в боковом переулке.

Сумасшедшая, сумасшедшая
секундная стрелка
моих часов.

В привокзальном ресторане

Макс Бекман, рассказывают,
любил привокзальные
рестораны.

Прекрасно его понимаю.

Никакой ложной близости.

Не нужно притворяться,
как со знакомыми.

Беспощадно мимолетная
беспощадная
жизнь –

непреходящие
впечатленья.

Evergreen

Утешенье простейшей
похоти. Близость двух колен
под столом, в кафе,
двадцать пять лет назад.

Воставшее море

Ночью, в бурю:
прибой
в старых деревьях.

Атлантический грохот
в их кронах.

Море
восстает
зеленолиственной волною.

Скоро

На других койках –
французы, да аргентинцы.
Пойди объяснись с ними.
Один из них – генерал,

из ночи в ночь уходящий
на тайное задание в погреб.
Поговорим об этом в другой раз.
Надо быть осторожным.
Он трясет решетку.
Мы должны принести ему пальто и ботинки.
Он скоро уйдет отсюда –
домой,
или еще дальше.

Объятия

Они случаются сами собою.
Чего-то не хватает, однако.
Что-то с самого начала
было не так.

Прекрасное –
но только наполовину:
не-
выносимо.

Сирены

Звуки за дверью,
похожие на песню.
Но когда я вхожу в комнату,
там нет никого.
Я ставлю пишущую машинку на стол.
Опять что-то слышится
похожее на песню.
Я вставляю лист.
Вот теперь
тихо.

Жан Анри Фабр, натуралист

Частица того покоя,
в котором
для Фабра проходил день
за наблюдением над
песочной осой.

Фабр тоже не знал,
что такое – время.
Ему это было, наверное, легче
вынести, потому что
так мало

было нужно ему для себя.

Очень занятой старик
на кусочке провансальской земли.
Невооруженным глазом
видел он, ради чего
стоит стараться.

Встреча с собой

Проездом, в маленьком
незнакомом городе,
в гостинице, в воскресенье –
распахиваю ставни
над пустой улицей.

В светском обществе

Вы чем занимаетесь?
спросил я молодого человека.
Пишу кандидатскую,
был ответ:
о времени
и о вечности.

А вы чем занимаетесь?
А я как раз думаю
о моем покойном отце,
сказал я.

Молодой человек улыбнулся,
сдержанно, как улыбаются только
возвышенные умы.

Стол

Он стар,
но он ничего не помнит.
Мы – его память.
Мы – его душа,
которую он переживет.
Мы думаем, как здесь будут
смеяться наши потомки.
Ему это все равно.
Мы думаем об одиночестве,
которого он не чувствует,
когда остается ночью
наедине

с тиканьем часов,
кусочком булки,
полупустым стаканом.

Все правильно

Ребенок в поезде у окна.
Мосту говорит он: мост.
Трубе говорит: труба.
Иногда он говорит просто:
вон
там – и тычет пальцем
в стекло.
И все правильно.
И прилагательные у меня в голове
стыдятся своей
ненужности.

Густав Малер

Метафизическая
цирковая музыка.
В прорванный шатер
заглядывают звезды.
Пустые ряды скамеек.
Укротитель прыгает через обруч.
Снаружи
среди обгоревших повозок
светлый блеск брошенных
цепей. Слон
трубит в иерихонскую трубу.

Упавшая липа

Моя рука на постаревшей плоти
липы –

и тут же мысль, что я
и не заметил,
как прошли мои годы.

Все еще есть соблазн
думать: завтра
начнется жизнь.